

явлений (общественного мнения, средств массовой коммуникации, влияние публики во время соревнований на формирование нравственного облика юных спортсменов и мотивацию спортивных достижений) при соответствующей их разработке в рамках психологии физического воспитания будут способствовать углублению ее теоретических и экспериментальных основ, сформируют продуктивные подходы к практическому решению педагогических задач.

Таким образом, процесс физического совершенствования создает все условия для успешного решения психолого-педагогических задач воспитания личности как субъекта творчески активного и физически развитого, осознавшего свои возможности и способного строить свою жизнь.

Источники и литература:

1. Вайнбаум Я. С. Гигиена физического воспитания и спорта : учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / Я. С. Вайнбаум, В. И. Коваль, Т. А. Родионова. – М. : Академия, 2002. – 240 с.
2. Жуков М. Н. Подвижные игры : учеб. для студ. пед. вузов / М. Н. Жуков. – М. : Академия, 2000. – 160 с.
3. Лубышева Л. И. Социальная роль спорта в развитии общества и социализации личности : [Электронный ресурс] / Л. И. Лубышева. – Режим доступа : <http://kiloref.chat.ru>
4. Лубышева Л. И. К концепции физкультурного воспитания студентов / Л. И. Лубышева // Теория и практика физической культуры. – 1993. – № 5-6. – С. 15-18.
5. Лях В. И. Выносливость: основы измерения и методики развития / В. И. Лях // Физическая культура в школе. – 1998. – № 1. – С. 7-14.
6. Макарова Г. А. Спортивная медицина : учеб. / Г. А. Макарова. – М. : Советский спорт, 2003. – 480 с.
7. Нечаев А. П. Психология физической культуры / А. П. Нечаев. – Л., М. : Гос. изд-во, 1930. – 112 с.
8. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – СПб. : Питер, 1999. – 720 с.

Баранская Е.М.

УДК 82.09.161.1/161.2

УЗЫ ДРУЖБЫ Я.П. ПОЛОНСКОГО: ЛИТЕРАТУРНАЯ БИОГРАФИЯ И ЛИЧНАЯ СУДЬБА ПОЭТА

Постановка проблемы. Вопрос о соотношении понятий «лирический герой» – «литературная личность автора» – «реальная авторская личность» до сих пор остается полемическим. Спорными остаются не только теоретический, художественно-исторический аспекты, но и вопрос об историко-литературной обусловленности категории «лирический герой».

Анализ литературы: Поиск форм выражения авторской личности в тексте всегда вызывал пристальный интерес. «Затекстовый» авторский образ был предметом непосредственного читательского внимания. Важнейшим читательским источником в интерпретации литературной личности становится лирический герой поэта. В теоретической трактовке понятия «лирический герой» для нас актуализируется его обусловленность историко-литературным контекстом, зависимость от литературных традиций (Д.С.Лихачев, Л.Я.Гинзбург, Л.А.Орехова), динамизм (Ю.Н.Тынянов, Б.О.Корман).

Цель настоящей статьи: изучить специфику соотношения «авторского» (биографического) и условно-поэтического в создании лирического героя и литературной личности Я.П.Полонского, моделирование условно-художественных ситуаций при создании литературного и «житейского» образа поэта в 1840 – 1860-х гг. **Задачи:** проследить, каким образом литературная личность конструирует и реализует себя в социокультурной среде на уровне поведенческих характеристик; проанализировать и сопоставить историко-литературные и биографические (мемуарные свидетельства, эпистолярный, дневники) материалы Я.П.Полонского и его современников.

Лирический герой наделяется текстовой жизнью в соответствии с авторской поэтической концепцией и включает элементы исторического и психологического обобщения. Литературная личность всегда индивидуализирована и складывается не только из нравственно-этических установок автора и его творческих предпочтений, но формируется в условиях «контекстовой» читательской эрудиции и читательского воображения – это величина текстово-затекстовая, и непременно предусматривает читательскую интерпретационную работу и во многом зависит от нее. И современники, и потомки видят ее «бытование» в определенном литературном окружении, в определенном историко-хронологическом срезе. Лирический герой и литературная личность сосуществуют параллельно, взаимодополняя друг друга.

Литературная личность своими составными элементами являет бытовую, но она значительнее ее. Писатель вращается в литературных кругах, «работает» на разные читательские аудитории, даже на разные идеологии. Но притом он подчеркнуто не отделяет свой бытовой облик от литературного, поскольку живет, «бытует» в этих литературных кругах, более того, стремится к самоутверждению. Он хочет выглядеть в глазах окружающих так, как сам себя представляет, и с этой целью прибегает к мифологизации своей личности: как поэтической, так и реальной. Достигается это «программированием» определенной литературной реакции в критических кругах, журналистских, салонных. Одним из средств является введение «игрового» элемента в жизнь и искусство. Автор «творит» свою жизнь и вносит жизнь в поэзию – надевает различные актерские маски в зависимости от исполняемых «ролей». В поэзии такой маской

становится лирический герой, в жизни – смоделированная поведенческая канва – социальная и личностная. Например, авторские «откровения» в частных беседах, дневниковых записях, письмах.

Характеристики лирического героя раннего Я.П.Полонского (1840 – 1860-е гг.) – искренен до детскости, мечтателен, близок природному миру, влюбчив, одинок и исполнен чувства собственного достоинства, горд – достаточно определенно повторяют черты «обобщенного» (Л.Я.Гинзбург) лирического героя романтической поэзии 1820 – 1840-х гг. Наложение этих характеристик на соответствующий психологический склад личности Полонского дало реальный устойчивый эффект предельной авторской откровенности. Следует думать, что читатель-современник раннего Полонского выводил представление о его литературной личности из представлений о его лирическом герое. Характеристики лирического героя раннего Полонского отрабатываются в процессе индивидуальной авторской интерпретации традиционно-романтических мотивов (преломление национального элемента в произведениях фольклорного жанра; философско-психологическое осмысление взаимоотношений человека и вселенной в пейзажной лирике; романтическая мифология в художественно-эстетической системе поэта).

Литературный мир начала XIX в. сравнительно неприхотлив в смысле литературной славы. Поэты 1820 – 1830-х гг. (пушкинского периода) довольствуются узким кругом близких людей, связанных единством взглядов, идей, творческих предпочтений. Названный в литературной критике 1840-х гг. одним из лучших поэтов послепушкинского периода, Я.П.Полонский дебютирует на литературном поприще как камерный лирик. Аprobация поэтического пера Полонского проходит в московском доме бывшего декабриста, опального генерала Отечественной войны М.Ф.Орлова (стихотворение «Душа», впоследствии уничтоженное Полонским), у князей Мещерских, в литературном салоне К.К.Павловой, которая и сама читала наизусть фантазию Полонского «Солнце и месяц», его «Ангела» слушала гр. Е.П.Ростопчина.

Тематика и эмоциональный настрой ранней лирики Полонского испытывает несомненное влияние пушкинской лиры. Исследование Полонским пушкинской эстетической системы Гармонии, Любви и Красоты преобразовывает мир искусства в единственно возможную для него идеальную реальность поэтической искренности. Поэтическая греза мифологизирует биографическую личность Полонского, вынуждая его поступать в соответствии с требованиями романтического поведения. Подобная мистификация романтического поэта не ограничивается читательской аудиторией, но распространяется и на межличностные отношения. В поэтические традиции начала XIX в. включалась идея романтического жизнотворчества – «видение себя и своей жизни в свете романтических идеалов», – которая становится руководящим поведенческим (равно как и художественным) принципом Полонского в дисгармоничной действительности, что распространяется прежде всего на круг дружеских привязанностей поэта (И.С.Тургенев, А.А.Фет, Ф.И.Тютчев, А.Н.Майков, Л.П.Шелгунова, М.Ф. и Е.А.Штакеншнейдер и др.). Романтическое видение мира мифологизирует и биографическую личность Полонского, формируя в бытовой жизни штампы условного романтико-поэтического поведения. Подобная мифологизация «житейского образа» не ограничивается читательской аудиторией, но распространяется и на межличностные взаимоотношения.

Ритуализованность поведенческих принципов Я.Полонского наибольшую прозрачность приобретает в дружеских симпатиях студенческого периода 1840-х гг. – к И.Уманцу, Н.М.Орлову, Н.А.Ровинскому – близким кружку Н.В.Станкевича; литераторам – молодым поэтам, писателям и публицистам: А.А.Григорьеву, А.А.Фету, И.С.Тургеневу, К.Д.Кавелину; известным в будущем общественно-политическим деятелям: кн. К.А.Черкасскому, С.М.Соловьеву. Дружеские связи формировали сознание, взгляды, художественные и мировоззренческие позиции «наивно верующего, выросшего среди богомольной и патриархальной семьи» [1, т. 2, с. 415] юного Полонского. Влияли они и на становление личности поэта. В доме Орловых Я.Полонский, рано лишившийся материнской опеки, наслаждается домашним уютом, семейным гостеприимством Михаила Федоровича и, главным образом, Екатерины Николаевны. В 1845 г. Полонский, тяжело переживая разлуку с друзьями, пишет из Одессы Н.Орлову: «Поздравляю тебя с приездом особ дорогах твоему сердцу. – Я не ждал их, не думал даже, чтоб когда-нибудь мне довелось увидеть их... – Благодарю Бога за радость, которую я почувствовал в глубине души своей, увидевши добрую мать твою. – Вчера я обедал с ними. Нынче они едут» [2, с. 67]. В обществе литераторов учится спорить, думать, «сомневаться» – взрослеет. Вера в святость, непогрешимость дружеских уз сопровождает Полонского до конца жизни. Именно в «старых друзьях» (Полонский) он ищет поддержку и признание своего поэтического дарования и «нужности». Даже в оценке человеческих взаимоотношений преобладают категории высшего порядка. Полонский тяжело переносит, например, обиду А.А.Фета (с которым удается все же возродить былую дружбу), разрыв с И.С.Тургеневым. Последний факт особенно трагичен: Тургенев умер, так и не вспомнив о тридцатилетней дружбе с Полонским, но успев за полтора месяца до смерти подписать полное обидных и несправедливых упреков письмо, написанное рукой П.Виардо-Гарсиа: «Издатель Закс объявил мне, что ты сказал ему о том, что у тебя есть старые рукописи, которые ты нашел в Спасском... Я не знаю, что это за рукописи и старые (отрывки), но г-н Закс, кажется, рассчитывает на них... Я тебе заявляю, что если вы, ты и твоя жена, хотите остаться моими друзьями, то я требую, чтобы эти негодные бумаги были немедленно уничтожены все до последней...» [7, с. 250–251]. Датировано письмо 26 июня, 8 июля 1883 г. Полонский не смог выполнить просьбу, т. к. был в Одессе и прибыл в Петербург 7 сентября, после смерти Тургенева, и «уже не мог...

сжечь бумаги его, не имел на это права» [7, с. 258], о чем и пишет Виардо. Образец нежнейшей дружбы являют собой отношения Полонского с поэтом М.Л.Михайловым. «Я в первый раз встретил человека, – отзывался впоследствии Полонский о друге, – преданного литературе всеми силами души своей и при этом образованного <...> чувствительного к малейшей лжи и восторженно преклоняющегося перед красотой и истиной. Не знаю отчего, но я почувствовал к нему глубокую симпатию, видеться с ним стало для меня почти потребностью» [5, с. 54]. «Это была нежная дружба, – подтверждает Л.П.Шелгунова. – Виделись они беспрестанно... Перечитывая письма Полонского, постоянно натыкаешься на такие вопросы: «Ну, что Михайлов?.. Приехал ли наконец?» [8, с. 94]. И Михайлов знал цену этой привязанности. «Думаю, что в лучшие минуты сердце твое говорило тебе, что я все-таки искренно и тепло люблю тебя...» [8, с. 493], – писал М.Л.Михайлов Я.П.Полонскому, находясь в Нерчинской каторге. Много позже, 22 января 1870 г., Шелгунова призналась Полонскому в своей и Михайлова «слабости» к нему, «так что Мих... постоянно говорил в Сибири, что если он умрет, то желала бы, чтобы биография его была написана вами [Полонским – Б.Е.]» [8, с. 493]. В 1855 г. Полонский посвятил М.Л.Михайлову стихотворение «Качка в бурю», написанное им ранее в Крыму (1850). После ареста друга поэт хранил автограф его революционного стихотворения «Крепко, дружно вас в объятья» с подписью на рукописи: «Написано в Петропавловской крепости для передачи студентам. 1861 года» [5, с. 55].

Трепетное отношение к дружбе зачастую подвигает молодого поэта на курьезные и небезопасные «подвиги»: «Не даром же увез он из Одессы в Москву невесту для своего друга Уманца, с немалым риском ответственности для самого себя» [9, с. 123], – записывает в дневнике Е.А.Штакеншнейдер. А чего стоит выстрел в портрет заместителя на Кавказе М.С.Воронцова в качестве услуги художнику Ф.И.Байкову? Автору не удался портрет Воронцова – он предложил Полонскому выстрелить в полотно. Тот выстрелил... Уже в 1890-х «было трогательно видеть, как эти два милые старика [А.Н.Майков и Я.П.Полонский – Б.Е.], – вспоминает Е.И.Пальмер, – сидели иногда рука в руку или, обняв один другого, напечатлевали на лбу поцелуй. – Это было так естественно, так душевно, что радовало сердце» [6, с. 18]. Однако не слишком ли театральный жест?

«Эпистолярный сюжет дружбы» (Л.А.Орехова) развивается и в переписке Полонского с Н.М.Орловым 1840-х гг., который любопытно рассмотреть в сопоставлении с перепиской и воспоминаниями зрелых лет жизни. Письма Полонского носят характер «дружеской переписки» со всеми надлежащими ей атрибутами. Приветственные штампы: «Любезный друг Николай!» (6 сент. 1842), «Цвети яко роза! Друг! Орлов!» (14 окт. 1842), «Друг, душа моя Орлов» (8 янв. 1843), «Друг Николай» (10 янв. 1845). Прощальные фразы автора: «Целую тебя и остаюсь тебя любящий Яков Полонский» (8 авг. 1842), «Твой друг Яков Полонский» (14 окт. 1842), «Твой искренний друг Я.Полонский» [курсив мой – Б.Е.] (4 июля 1844). Нагнетание атмосферы интимности – введение в сердечные дела адресата (любовь к княжне Ел. Мещерской) и автора (переживание первых любовных неудач(1)), исповеди сердца, дружеские советы (2). Нередко негативная реакция на последние самого Полонского прорывает канву благожелательного согласия между автором и его адресатом: «Черт тебя возьми с твоими советами..., – возмущается Полонский. – Ты как будто советуешь мне остановиться и для личной пользы нейти вперед. – Нет, брат, далеко я ушел вперед – и... что бы ни было – не ворочусь» (март 1844) [2, с. 59]. Встречаются здесь и первые разочарования в дружбе: «Я сам имею маленькую причину сердиться на тебя, – пеняет Полонский Н.Орлову в послании от 14 октября 1842 г., – мне повторяют многие мои секреты и рассказывают анекдоты на мой счет, уверяя, что все рассказано было тобой». Однако роль выдержана до конца: «Но прошлое да будет прошлым – протягиваю к тебе мою руку и крепко жму ее» [2, с. 45]. Эпистолярный сюжет переписки пестрит обильными изъявлениями дружеского участия, тоской по былому студенческому содружеству.

Чрезмерная акцентуация на дружеских узах, связывающих автора с адресатом его писем, вкрапления стихов («Блаженствуя, тебя любил я...», 8 авг. 1842, «Перемена», 8 янв. 1843, «О подними свое чело...», 18 нояб. 1843, отрывок «К демону», 4 июля 1844, строки из стихотворного дневника, 1 янв. 1857), наличие литературных отзывов, тематическое разнообразие – свидетельствуют о дани, отданной Я.П.Полонским той эпистолярной традиции пушкинского периода, когда частное письмо воспринимается как явление литературы, носит следы художественной обработки. Личностное (биографическое) начало в «дружеской переписке» начала XIX века подменяется установкой на литературную «позу» автора [4, с. 43–76].

М.О.Гершензон в предисловии к письмам объединяет московских студентов, сотоварищей Полонского, «серьезно настроенных, серьезно учившихся» молодых людей, в кружок начала 1840-х гг., продолжающий традиции кружков Станкевича-Белинского, Герцена-Огарева. Однако кружок этот необычен. «По нравственному складу, по умственным интересам и характеру самой дружбы» [2, с. 40] он глубоко разнился от его предшественников. Прежде всего, разнился он отсутствием того единого связующего звена, центра, каковыми были Герцен и Станкевич. Не случайно Полонский описывает в своих воспоминаниях университетскую жизнь, как лишенную «сходок», «землячеств», «каких бы то ни было тайных обществ или союзов». «Брожение умов было глухое, тайное...» [1, т. 2, с. 417–418]. Представителей кружка не связывает клятва братству, общность философско-этических устремлений. Скорее – взаимное тяготение мыслящих личностей, лишенных на данном этапе иной возможности самоопределения. Здесь поиск, энергия, одаренность, идеализм, романтическое очарование неординарностью, душевная симпатия. Молодой Полонский не разделяет философской погруженности Григорьева, Кавелина, но, увлеченный «задачами искусства», разнообразием встреч, знакомств, более заботится о предьявлении себя в литературных салонах

московского общества. К тому же, он был «рассеян», не похож на других людей: «Я так же странен, как и ты, – пишет Я.Полонский Н.Орлову 4 мая 1844 г., – только готов и самому себе в этом признаваться и другим...» [2, с. 64]. А стало быть, устранив из своей биографической жизни все внелитературное, надевает поэтическую маску, одним из ликов которой является поклонение узам любви и дружбы.

Однако недостаточная искушенность в литературной игре мешает последовательному ее воплощению в письмах, позволяя иногда прорыв искренних чувств. А впрочем, как знать – не часть ли это игры, не преднамеренное ли отграничение своего биографического «я» от литературного? В феврале 1843 г. Полонский пишет Орлову, находящемуся в то время на военной службе: «Ты пишешь, что твои товарищи народ добрый, но грубый... На твоём месте я бы стал перед ними казаться таким же грубым – в товариществе все должно быть уравнено – и от этого никто не будет хуже – ни ты, ни они» [2, с. 51]. Так не является ли это высказывание с точностью до наоборот копией пушкинского совета брату: «Будь холоден со всеми: фамильярность всегда вредит» [3, с. 631]?

Выводы: В ранний период творчества (1840 – 1860-е гг.) Я.П.Полонский работал в духе романтических традиций 1820 – 1830-х гг., в частности, актуализируется пушкинское влияние. Романтические установки сказались и на авторском самоопределении в литературной действительности, способствовали кружковому дружеству в жизни и соответственной реализации этих тем в поэзии и эпистолярной литературе. Я.П.Полонский принимал нормы сложившихся литературных отношений и, в соответствии с ними, моделировал публичное представление о своей литературной личности.

Это некоторые наблюдения, которые позволяют сделать вывод о наличии игрового начала и в эпистолярном наследии, и, надо думать, жизненном поведении, что давно уже получило название житнетворчества.

Примечания:

1. В частности, неискренность княжны Софьи Ивановны, чьи «мысли, чувства – мишура, мишура, мишура!..», (8 янв. 1843) [2, с. 48]; душевная пустота в отношениях с некоей Полонской, однофамилицей поэта. Я.Полонский признавался: «Ее давно нет в моем сердце – она не стоила любви моей...», (4 июля 1844) [2, с. 64].

2. «Сделай милость, перестань пылать к ней [Ел. Мещерской – Б.Е.] рыцарской любовью, – оберегает Полонский сердце друга. – Я боюсь, что потребность любви ты принял за истинную любовь. – Я уверен, что княжна считает себя выше тебя... – Посуди сам, не оскорбит ли это твоей гордости!..» (18 ноября 1843) [2, с. 58]. Несколько позже, 8 августа 1845 г., переживает за стойкость жизненных позиций Николая: «Смотри на жизнь как хочешь, только смотри с одной какой-нибудь точки зрения. – Или плюй на нее, или благословляй ее...» [2, с. 67].

Источники и литература:

1. Полонский Я. П. Сочинения : в 2-х т. / Я. П. Полонский. – М. : Худож. лит., 1986. – Т. 1 : Стихотворения. Поэмы. – 493 с.; Т. 2 : Признание Сергея Чалыгина. Женитьба Атуева. Воспоминания. – 463 с.
2. Полонский Я. П. Письма к Н. М. Орлову / Я. П. Полонский // Новые пропилеи. – М., Пг., 1923. – Т. 1. – С. 40-72.
3. Лотман Ю. М. Пушкин / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство, 1995. – 847 с.
4. Орехова Л. А. Авторское мифотворчество и русский модернизм (лирическая проза) : учеб. пособие / Л. А. Орехова. – К. : УМК ВО, 1992. – 96 с.
5. Орлов П. А. Я. П. Полонский (1819 – 1898). Критико-биографический очерк / П. А. Орлов. – Рязань : Рязанское кн. изд-во, 1961. – 232 с.
6. Пальмер Е. И. Воспоминания о Я. П. Полонском / Е. И. Пальмер. – РГАЛИ. – Ф. № 403. – Оп. № 1. – Ед. хр. № 5. – 22 л.
7. Тургенев И. С. Переписка с Я. П. Полонским (неопубликованные письма) / И. С. Тургенев // Звенья. – М. : Госиздат. культ.-просвет. лит.-ры, 1950. – Т. 8. – С. 153-264.
8. Н. В. Шелгунов, Л. П. Шелгунова, М. Л. Михайлов. Воспоминания : в 2-х т. – М., Л. : Худож. лит., 1967. – Т. 2 : Воспоминания Л. П. Шелгуновой и М. Л. Михайлова. – 634 с.: ил. – (Серия литературных мемуаров).
9. Штакеншнейдер Е. А. Дневник и записки (1854 – 1886) / Е. А. Штакеншнейдер; ред., статья и коммент. И. Н. Розанова. – М., Л. : Academia, 1934.